

нашего сборника прослеживается, какими средствами и каким образом в художественном творчестве Радищева происходит внутренняя перестройка уже существующих литературных форм, как преодолеваются некоторые литературные традиции. Участники сборника стремились показать, как художественное новаторство Радищева подчинило жанры литературного путешествия, ораторской речи, мемуаров или дневника новым художественным заданиям, демократизируя не только тематику, но и самые формы его искусства.

Жанровое и тематическое новаторство, — это убедительно показала наша наука, — всегда было подчинено у Радищева освоению и осмыслению нового исторического опыта.

Как составную часть этого исторического опыта своего времени Радищев рассматривал демократическую по своей устремленности литературу. Поэтому мы сочли необходимым продолжить разработку проблемы, которая в нашей науке рассматривается систематически, — проблемы взаимодействия творчества Радищева с творчеством просветителей-демократов русских, французских, американских.

Требуют дальнейшего и более углубленного изучения вопросы преемственности литератур XVIII и XIX вв. вообще и освоения и развития идейного и литературного наследия Радищева русскими писателями и общественными деятелями в частности. В этом отношении особое внимание заслуживают эстетические и исторические взгляды Радищева.

На протяжении многих лет высказываются противоречивые взгляды о литературной позиции писателя: одни исследователи называют его сентименталистом, другие — реалистом. Давно наступила пора от определений перейти к развернутому исследованию характера и своеобразия эстетических воззрений Радищева, чье учение о человеке, о социальной среде, о народе и его роли в жизни общества и в историческом процессе было обусловлено революционными воззрениями писателя. Программное сочинение Радищева эпохи сибирской ссылки «О человеке, о его смертности и бессмертии» по традиции рассматривается лишь как философский трактат, в то время как в нем поставлены и решены важнейшие эстетические проблемы. Тщательное их рассмотрение — дело ближайшего будущего. Статья Л. Н. Лузяниной, публикуемая в настоящем сборнике, как бы начинает новую традицию изучения этого глубоко содержательного и в известной мере итогового произведения Радищева.

Еще в 1930-е гг. началось изучение путей формирования исторического мышления в русской литературе последних двух десятилетий XVIII в. Г. А. Гуковский убедительно показал, что истоки историзма в России берут свое начало в творчестве Радищева. С тех пор эта тема не получила дальнейшего развития. Вот почему перед наукой стоит задача изучения радищевского понимания и изображения истории, радищевской философии истории;